

Гу Цинхэн уже опустился на колени, а я всё ещё стоял тут — разве это не слишком неприлично?

В конце концов я тоже опустился на колени, сделав это совершенно естественно.

Фэн Инь слегка нахмурил брови:

— Не нужно, встаньте все. Сегодня — день великой радости государственного наставника, эти сложные церемонии пока можно отложить в сторону, главное — не испортить гостям хорошее настроение.

Поднявшись, я не переставал тихонько ворчать про себя: находиться рядом с императором поистине утомительно, за один только день не счесть, сколько раз приходится преклонять колени.

Сегодня Гу Цинхэн выглядел необычайно красивым. На нем были ярко-алые свадебные одежды, бледное лицо оттеняли угольно-черные, глубокие и загадочные глаза, а высокая прическа делала его еще более мужественным, чем прежде.

Возможно, мне и показалось, но в его глубоких глазах, которые при взгляде на меня тут же прятались, читалось странное нежелание расставаться.

Родители Гу Цинхэна умерли рано, в детстве его усыновил старый государственный наставник. Ныне же старый наставник давно скончался, поэтому почетное место во главе занимал Фэн Инь. В этот момент Фэн Инь, откинувшись на спинку кресла, лениво и рассеянно помешивал крышечкой плавающие на поверхности чая листья, а я сидел на соседнем месте для почетных гостей, наблюдая за фигурой Гу Цинхэна, в которой чувствовалось нечто вроде ожидания.

Сначала я еще тешил себя надеждой, думая, что в сердце Гу Цинхэна все еще есть место для меня. Но когда появилась невеста — точно в таком же алом наряде, — то, как он шагнул ей навстречу издалека, разбило мои иллюзии вдребезги.

А если взглянуть на пышный алый шелк на его плечах, такой яркий и ослепительный, и на то, как они вместе держали в руках красную ленту... Они шли рядом, идеально подходя друг другу, словно созданная небесами пара, и это до боли резало глаза.

Внезапно мне показалось, что зря я вообще пришел. Выходило так, что явился я лишь затем, чтобы самому навлечь на себя скуку и лишние страдания.

Подумав об этом, я отвернулся, неловко кашлянул и тихонько поднялся, желая поскорее уйти. Но я никак не ожидал, что Фэн Инь, внимательно наблюдавший за женихом и невестой, заметит это. Он потянул меня за полу одежды, и в его черных миндалевидных глазах мелькнула улыбка. Тихонько он произнес:

— Дядя, тебе нездоровится? Или... — он сделал паузу, и его голос чуть повысился: — Жалко отпускать?

У меня перехватило дыхание, я чуть дух не испустил. Что за глупости несет этот Фэн Инь? С какой стати мне кого-то жалеть...

Хотя, погодите-ка, кажется, именно это я и чувствовал...

Я тихонько и натужно усмехнулся и незаметно убрал его руку, державшую мою полу:

— Император шутит, твой слуга просто... просто захотел по естественной надобности, вот и подумал отойти...

Другого повода я придумать не смог, поэтому пришлось выдать столь постыдную отговорку.

Услышав это, Фэн Инь напустил на себя вид человека, до которого наконец дошло озарение, отпил чаю и вновь перевел всё внимание на жениха с невестой, которые как раз начали поклоняться небу и земле. Больше он ничего не говорил. Я вытер пот со лба и быстрыми шагами выбежал из заднего зала.

Я бесцельно бродяжил по заднему двору Резиденции государственного наставника и, глядя на знакомые травы и цветы, предавался самым разным мыслям.

Если бы с самого начала я открыто взглянул в лицо собственным чувствам, неужели всё закончилось бы не так, как сейчас? Принял бы он меня? Быть может, мы могли бы остаться друзьями? А может, всё осталось бы точно так же? Ведь с самого начала его сердцем завладела Цин Лянь, и свадьба была решена давным-давно. Если бы не императорский указ, стал бы столь утонченный человек терпеть моевольную дерзость?

Погуляв еще немного по заднему саду и думая о всякой всячине, я наконец шаг за шагом медленно поплелся обратно к главному залу. У входа я замер от изумления.

Что здесь происходит? Почему вокруг столпилась галдящая толпа?

Я подошел ближе и увидел, что гости сбились в кучу и наперебой что-то кричали. Шума было слишком много, и я толком ничего не мог разобрать. В самом центре толпы находились жених, сам государственный наставник Гу Цинхэн, невеста Цин Лянь и... какой-то мужчина? А Фэн Инь по-прежнему сидел на возвышении, невозмутимо прихлебывая чай с видом зрителя, предвкушающего отличное представление. Заметив меня, он изогнул губы в улыбке и продолжил наблюдение.

Я же по-прежнему ничего не понимал. Что здесь творится?

Тут Цин Лянь, уже сорвавшая с головы красный платок, широко распахнутыми круглыми глазами уставилась на этого внезапно объявившегося незнакомца:

— Цин Лянь всегда любила лишь Цинхэна, с какой стати мне влюбляться в кого-то еще? К тому же, кто ты такой? Я тебя не знаю!

Ах, вот оно что, кажется, я примерно догадался.

Мужчина почесал в затылке, выглядя простовато и даже глуповато:

— Сяо Лянь... Разве мы с тобой не договаривались? Почему ты отрекаешься от своих слов? Я знаю, что груб и невежествен, но я всем сердцем люблю тебя!

Гу Цинхэн, до этого хранивший мрачное молчание, заговорил:

— Давайте отменим эту свадьбу. Поклоны еще не совершены, так что брак считается недействительным. Можете идти с этим братом, а ради прежних лет я не стану чинить вам препятствий.

Не знаю почему, но, услышав это, я почувствовал невероятное облегчение и снова зауважал Гу Цинхэна. Только посмотрите, насколько мой Гу Цинхэн понимающий и великодушный — он даже такое постыдное происшествие готов оставить без внимания.

Цин Лянь с недоверием посмотрела на Гу Цинхэна, у нее защипало глаза. Она схватила его за рукав, но Гу Цинхэн отстранился:

— Цинхэн, Цинхэн, не надо так! Мы... мы ведь с таким трудом дождались этого дня! Не надо так, Цинхэн, поверь мне, я не знаю этого человека!

Ее огромные круглые глаза забегали по сторонам и в конце концов уставились прямо на меня. Пока я стоял в полном недоумении, она в два-три шага подскочила ко мне, вцепилась тонкими пальцами в полу моего платья с такой силой, будто собиралась изорвать его в клочья, притащила меня за руку к самому Гу Цинхэну и, тыча в меня пальцем, завизжала:

— Это он! Это наверняка его проделки! Это он подослал этого мужчину нести чушь! Он просто завидует нашему счастью и пытается разрушить наши отношения вот такими подлыми методами! Обязательно он! Цинхэн, ты должен мне поверить!

Тц... Эта женщина точно сошла с ума. Я, Фэн Цзыцин, человек открытый и честный: если уж собрался отбивать чужую невесту, сделаю это в открытую, стану ли я мараться столь низовыми методами?

Незнакомый мужчина в шоке вытаращил глаза:

— Сяо Лянь, как ты могла так измениться? Как ты можешь так отзываться о моих чувствах к тебе...

Цин Лянь взревела, оборвав его на полуслове, затем разжала пальцы, впившиеся в мою одежду, и принялась отталкивать парня:

— Заткнись! Я тебя не знаю, убирайся! Проваливай отсюда!

Мужчина приоткрыл рот, зажмурился и умолк. В его темных глазах читалось глубочайшее разочарование в Цин Ляне.

Гу Цинхэн наконец не выдержал. Тихий окрик с его стороны заставил Цин Лянь мгновенно захлопнуть рот:

— Хватит, Цин Лянь. У меня с тобой больше нет ничего общего, а раз так, то и твои дела меня ни капли не касаются. Уходи.

Цин Лянь в ужасе зажала рот руками, и по ее щекам крупными каплями покатились слезы:

— Цинхэн... как ты можешь так со мной поступать! — С этими словами она растолкала толпу и выбежала прочь. Мужчина, заметив это, бросился следом.

Гу Цинхэн долго смотрел вслед убежавшей Цин Лянь, в его взгляде читалось нечто похожее на сожаление. Но затем он пришел в себя и с виноватой улыбкой обратился к гостям:

— Прошу прощения за то, что сегодняшнее происшествие стало для всех вас предметом насмешек. В другой день Цинхэн непременно лично нанесет визит с извинениями.

Обменявшись еще несколькими дежурными фразами, гости стали один за другим покидать резиденцию.

Фэн Инь посмотрел на Гу Цинхэна и, неведомо у кого переняв эту манеру, тяжело похлопал его по плечу:

— Я всё понимаю. Государственному наставнику стоит отпустить это.

Всё понимаешь? Да что ты можешь понимать... Послушай, Фэн Инь, у тебя гарем полон красавиц, и каждая только и ждет, чтобы выслужиться и заслужить твою милость. А среди простого народа найдется ли хоть одна девушка, которая не мечтала бы попасть в твой дворец?

И ты говоришь — понимаешь? Если бы на моем месте оказался ты, вряд ли бы всё понял, с чего бы тебе понимать?

Гу Цинхэн кивнул:

— Благодарю императора, Цинхэн, естественно, постарается отпустить прошлое.

Фэн Инь усмехнулся уголком рта и распрощался. Я же прекрасно понимал, что торчать здесь больше без надобности, поэтому тоже попрощался, но был остановлен фразой Гу Цинхэна:

— У меня есть разговор к вана.

Следуя за Гу Цинхэном, я петлял по коридорам, пока мы не добрались до его комнаты. Стоило мне переступить порог, как Гу Цинхэн тут же отпустил слуг и запер дверь на засов. От этого зрелища я опешил.

Что задумал Гу Цинхэн... хочет убить меня и замести следы? Или?..

Убить и замести следы — это, конечно, шутка. Судя по моему знакомству с Гу Цинхэном, он ни за что не совершил бы убийства, но этот замок на двери... что он вообще означает?

Яркие лучи солнца пробивались сквозь резные деревянные окна. Стоя к свету спиной, он неотрывно смотрел на меня своими персиковыми глазами, и вдруг протянул руку и принялся развязывать большой алый свадебный узел. От этого зрелища у меня перехватило дыхание. С трудом заставив себя отвести взгляд от его пальцев, я уставился на его гипнотизирующие персиковые глаза. Глубокие и бездонные, они словно затягивали внутрь. Я прекрасно понимал, что если позволю себе утонуть в них, то вырваться назад будет уже почти невозможно, но всё равно не мог удержаться — мне так хотелось разглядеть, что же прячется на дне этого омута, есть ли там место для меня.

Я думал, он просто развяжет свадебный бант на груди, но не тут-то было. Распустив узел и бросив алый шелк на пол, он принялся за пояс верхнего халата. Сбросив парадные одежды набок, он тут же взялся за тонкую нижнюю сорочку...

Это... это, это...

— Гос... государственный наставник, вы же сказали, что у вас есть разговор к этому вану, о... о чем же речь? — запинаясь, пробормотал я, изо всех сил стараясь поднять взгляд на его лицо.

— Разговор... — движение рук, освобождавших тело от одежд, замерло. Гу Цинхэн изогнул губы в той же утонченной улыбке: — Цзыцин, я всё еще не могу отпустить тебя.

Такого... я никак не ожидал. Что же мне теперь делать?

— Я знаю, в твоём сердце нет места для меня. — Он прикрыл глаза, а улыбка на его губах стала горькой.

Глядя на него, я чувствовал себя не в своей тарелке. Едва его голос затих, я поспешил опровергнуть эти слова:

— Нет, в моём сердце есть человек, и я прекрасно это осознаю.

Услышав это, он улыбнулся, и горечь на миг отступила. Только что замершие руки вновь принялись за тесемку последней нижней сорочки. Ткань медленно сползала вниз, обнажая безупречно белую кожу, изящные ключицы, розоватые соски...

Ах... Я не святой, если смотреть ниже, то точно...

Одним движением запахнув одежды Гу Цинхэна, я перехватил его руки, останавливая дальнейшие попытки раздеться, и принял предельно серьёзный вид:

— Цинхэн, ты хоть понимаешь, что сейчас делаешь?

Он пристально заглянул мне в глаза и слегка улыбнулся:

— Разумеется, понимаю.

Как же легко и беззаботно он это произнес, зато мне сделалось не до смеха.

Я снова заговорил:

— Цинхэн, ты должен знать... в моём сердце... всегда жил Сы Жань.

— Я знаю. И лишь прошу об одном: давай не будем упоминать его здесь, — произнес он.

— Хорошо! — с готовностью согласился я, немного подумал и добавил: — Цинхэн, ты должен знать... м-м-м...

То, что я собирался сказать дальше, Гу Цинхэн безжалостно запечатал своими губами. Я подался вперед, наши языки сплелись в страстном поцелуе, слившись воедино.

Цинхэн, ты должен знать: раз уж в моём сердце поселился ты, это уже не изменится — веришь

ты мне или нет.

Гу Цинхэн отвечал на поцелуй с прежней готовностью. Как говорится, повторение — мать учения, к тому же мы занимались этим далеко не первый и не второй раз. В пылу взаимных покусываний, ласк и поцелуев одежда как-то сама собой оказалась полностью сброшена.

В самый разгар страсти, когда по спине пробежал холодок, я вдруг с ужасом осознал, что внизу живота уже хозяйничает чья-то рука. Резко перехватив чужую шаловливую руку, я мертвой хваткой впился зубами в плечо Гу Цинхэна. Услышав тихий стон, я сообразил, что не рассчитал сил и, пожалуй, сделал ему больно. Слизав след от укуса и подхватив обмякшее телом создание, я уложил его на кровать. Пока он лежал с полуприкрытыми глазами, еще не до конца придя в себя, я навалился сверху, чувствуя, как в глазах вспыхивает озорной огонек легкой мести.

Настал мой черед проверить, все ли у него там в порядке, точно так же, как и прежде. Хех, времени впереди вагон, к тому же впереди целая ночь. Я заставлю тебя узнать, насколько ошибочным было твое поведение и какую цену за него придется заплатить!

Ночь бурного безумия.

Прошлогодняя... тьфу ты, вчерашняя ночь, похоже, затянулась... Судя по солнцу за окном, оно поднялось уже на три бамбуковых шеста, а Гу Цинхэн всё еще спал. Я прислонился к изголовью кровати и сверху вниз смотрел на его умиротворенное лицо.

Под ивовыми бровями покоились плотно сомкнутые персиковые глаза. Под лучами пробивающегося в комнату солнца на длинных ресницах лежали легкие тени, выглядело это невероятно красиво. Под аккуратным носом чуть порозовели губы... Нет, не просто порозовели, судя по всему, это вчера я переусердствовал — губы Гу Цинхэна покраснели до неприличного.

Слегка коснувшись губами этих покрасневших губ, я самодовольно ухмыльнулся. Ха, он ведь человек князя Сян, и эксклюзивное клеймо должно выглядеть именно так! Если поблекнет — всегда можно освежить.

Длинные ресницы затрепетали, возвещая о том, что хозяин этих завораживающих глаз вот-вот проснется. Внутри меня поднялась волна необъяснимого напряжения, сердце заколотилось о ребра: как он отреагирует, когда очнется? Останется ли со мной навсегда, или со злости сбросит меня с кровати и выставит за дверь?

Веки медленно приподнялись, являя миру пару соблазнительных персиковых глаз. Поскольку он только что проснулся, взгляд Гу Цинхэна был затуманен со сна. Потерев глаза, он, казалось, наконец разглядел, кто лежит перед ним. Я уже приоткрыл рот, собираясь заговорить, как увидел, что Гу Цинхэн нахмурился.

Это... неужели он сейчас... сбросит меня? Эх, вряд ли я оказюсь настолько неудачливым... верно?

— Вчера... я ведь просил тебя... остановиться.

Произнеся это, Гу Цинхэн опустил глаза и густо покраснел. Я стоял оглушенный, а сердце, застрывшее было в горле, наконец вернулось на место.

Оказывается, я сам себя накручивал.

Но вот это...

Я больше не мог сдерживаться и громко фыркнул, а затем, опустив голову, прижался щекой к его плечу и прошептал прямо на ухо:

— Но почему же мне показалось, что этим твоим голосочком ты звал меня продолжать?

— Ты! — Гу Цинхэн распахнул свои соблазнительные персиковые глаза и злобно зыркнул на меня. Я прождал добрую половину дня, но продолжения так и не последовало.

Разгладив его растрепавшиеся волосы и поразмыслив с полчаса, я все-таки решил высказать то, что томилось на сердце.

— Цинхэн, тебе одному жить в этом поместье слишком одиноко. Перебирайся-ка ко мне, в княжескую резиденцию, будем жить вместе, хоть компаньон появится. Я, Фэн Цзыцин, клянусь небесами: в этой жизни я никогда тебя не предаю! Если нарушу клятвопреступление, пусть меня поразит молния и я навечно погружусь в восемнадцатый слой ада, не имея шанса на перерождение!

Я не предаю тебя, и надеюсь, ты... тоже не предашь меня...

Гу Цинхэн ошеломленно уставился на меня, а я улыбнулся:

— Не веришь? Я говорю абсолютно серьезно.

Он покачал головой и усмехнулся:

— Раз уж ты произнес эти слова, мое сердце полно радости. Даже если придется спуститься в Хуанцюань, с твоим обещанием я буду чувствовать себя совершенно счастливым.

Я замер, не до конца уловив смысл его слов:

— Цинхэн, ты все еще мне не веришь? Ничего страшного, я это докажу.

Гу Цинхэн ничего не ответил, молча поднялся с постели и, взяв лежавшую неподалеку одежду, неторопливо начал одеваться. Я открыл было рот, но решил пока отложить остальные речи на потом — подвернется еще случай сказать всё, что нужно. Сейчас же мне не терпелось получить ответ на предыдущий вопрос:

— Цинхэн, переезжай ко мне, будем жить под одной крышей. Уж я-то точно не стану нарушать твой покой и не позволю тебе чувствовать себя одиноким.

Верно, одиноким. Я ведь хорошо помню тот взгляд, который Гу Цинхэн невольно бросил тогда, после того как пришлось забыть о Сы Жане, и его одинокую фигуру, застывшую у перила. Выглядел он тогда донельзя одиноким.

Рука, разглаживавшая рукав, замерла. Он повернулся ко мне, и на его губах расцвела мягкая утонченная улыбка:

— Хорошо.

Согласился?

— Эти слова... правда? — я в упор смотрел на него, затаив дыхание и страшась услышать, что это шутка.

Гу Цинхэн широко улыбнулся:

— Правда.

Едва эти слова сорвались с его губ, я расплылся в счастливейшей улыбке и был готов прямо сейчас броситься на него, крепко обнять и... кхм, впрочем, теперь-то его подушка больше не будет пустовать. Рядом появился человек, с которым можно состариться рука об руку, и по ночам всегда найдется с кем задушевно поболтать о пустяках.

Позавтракав в Резиденции государственного наставника и проводив слуг (которых Гу Цинхэн тут же распустил), я стремглав помчался обратно в княжескую резиденцию. Только я переступил порог, как на меня со страшной силой набросился Синжэнь, чуть не сбив с ног. Уткнувшись мне в грудь, он заворочался, заискивающе затянул: Хозяин! — и заулыбался, хлопая своими большими миндалевидными глазами.

Сегодня у меня было прекрасное настроение, так что я не стал возиться с Синжэнем и позволил ему беситься сколько влезет.

— Хозяин... ты выглядишь таким счастливым, что-то случилось?

Этот слегка озадаченный тон Синжэня заставил меня усомниться: тьфу ты, неужели этот ван до сих пор никогда не выглядел счастливым?

— Быстро позови слуг, пойдем со мной в Резиденцию государственного наставника, — отдал я приказ.

Синжэнь захлопал глазами, окончательно сбившись с толку. Я милостиво пояснил:

— Идем забирать Цинхэна, он теперь будет жить в княжеской резиденции.

— А?

Заметив его изумленное лицо, я хлопнул себя по лбу и махнул на него рукой:

— Чего ты «а»каешь? Живо за работу, этот ван ждет здесь. — Сделав паузу, я добавил: — С сегодняшнего дня Цинхэн — твой второй хозяин. Если посмеешь проявить к нему хоть капельку неуважения, этот ван с тебя шкуру спустит!

Вроде бы всё объяснил предельно ясно, но, кажется, я переоценил его сообразительность —

— Хозяин! Хозяин... Государственный наставник... он же... он же мужчина!

— Ну и что с того, что мужчина? — нахмурившись, процедил я с крайним неудовольствием. — Нравятся мне мужчины, тебе-то какое дело?

Холодно фыркнув, я сам позвал нескольких слуг. Опасаясь, что Цинхэн заждется, я в спешке вернулся к нему.

Гу Цинхэн по природе своей человек скромный, из вещей у него были разве что книги да пара каких-то мелочей. Набралось так мало скарба, что даже без помощи слуг я один запросто со всем справился бы — теперь-то казалось, что утренний визит в резиденцию был чистой воды излишеством.

Вернувшись вместе с Гу Цинхэном в поместье, мы не встретили Синжэня — видимо, тот убежал куда-то оплакивать свое недавнее бесцеремонное поведение. Едва мы вошли внутрь, как, вполне предсказуемо, матушка восседала на почетном месте в главном зале, всё так же неторопливо помешивая чайники в чашке. Я почтительно поприветствовал ее, но матушка в ответ лишь лениво уткнулась. Слово случайно бросив взгляд на вошедших, она заметила стоявшего рядом со мной Гу Цинхэна, опешила, и с ее губ сорвалось имя:

— Сы Жань.

Гу Цинхэн с невозмутимым видом посмотрел на матушку, его улыбка казалась донельзя презрительной. Чуть шевельнув губами, он процедил приветствие, после чего отвел взгляд от ее лица и умолк.

Рука матушки, державшая чашку, едва заметно задрожала, выдавая ее преклонный возраст. Бросив взгляд на пребывавшего в скверном настроении Гу Цинхэна, я произвел представление:

— Матушка, позволь представить: это нынешний государственный наставник, по фамилии Гу, имя Цинхэн. Он вовсе не тот Сы Жань, о котором вы подумали.

Услышав мои слова, матушка вздрогнула всем телом, а ее глаза округлились от потрясения:

— Цзыцин, неужели ты всё вспомнил?

Я не стал ни подтверждать, ни опровергать:

— Если у матушки больше нет дел, я пойду с Цинхэном.

Заметив, как матушка собирается отдать приказ служанкам приготовить для Гу Цинхэна гостевые покои, я выдал из себя самую вежливую, как мне казалось, улыбку:

— Насчет гостевых покоев матушка может не беспокоиться. Цинхэн будет жить со мной в одном помещении.

<http://bllate.org/book/21938/2279249>